

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе 2019/2020 учебный год
11 класс

Задание №1 Аналитическое задание

(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения *Беллы Ахатовны Ахмадулиной (1937–2010)* «*Болезнь*», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: символику заглавного образа; роль художественных деталей в развитии лирического сюжета произведения; особенности философского содержания и пафоса стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Б.А. Ахмадулина

Болезнь

О боль, ты – мудрость. Суть решений
перед тобою так мелка,
и осеняет тёмный гений
глаз захворавшего зверька.

В твоих губительных пределах
был разум мой высок и скуп,
но трав целебных поределых
вкус мятный уж не сходит с губ.

Чтоб облегчить последний выдох,
я, с точностью того зверька,
принюхавшись, нашла свой выход
в печальном стебельке цветка.

О, всех простить – вот облегченье!
О, всех простить, всем передать
и нежную, как облученье,
вкусить всем телом благодать.

Прощаю вас, пустые скверы!
При вас лишь, в бедности моей,
я плакала от смутной веры
над капюшонами детей.

Прощаю вас, чужие руки!
Пусть вы протянуты к тому,
что лишь моей любви и муки
предмет, не нужный никому.

Прощаю вас, глаза собачьи!
Вы были мне укор и суд.
Все мои горестные плачи
досель эти глаза несут.

Прощаю недруга и друга!
Целую наспех все уста!
Во мне, как в мёртвом теле круга,
законченность и пустота.

И взрывы щедрые, и легкость,
как в белых дребезгах перин,
и уж не тягостен мой локоть
чувствительной черте перил.

Лишь воздух под моею кожей.
Жду одного: на склоне дня,
охваченный болезнью схожей,
пусть кто-нибудь простит меня.

1961

Выполните целостный анализ рассказа *Бориса Андреевича Пильняка (1894–1938) «Жулики»*. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): композиционные особенности произведения, организующую роль заглавия, сюжетную динамику истории; роль художественных деталей в повествовании, в том числе возникающих в сценах «случайных» встреч героини; объясните особенности языковой стихии рассказа; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Б.А. Пильняк

Жулики

Письмо и повестка пришли одновременно, привезли их вечером. – Пусть прошло семь лет с того июльского дня, когда в селе, – в сенокосном удушье они, она и он ходили в церковь венчаться и поп всё посматривал в окно – не пойдёт ли дождь, не опоздать бы ворошить сено – тогда он настаивал на церкви, и она, стоя под венцом, всё хотела собрать мысли и перевспомнить всю свою жизнь – и не могла, следила за батюшкой и за тучей на горизонте: и, правда, пошёл дождик, и батюшка из церкви побежал в поле копнить... – пусть прошло семь лет, пусть сейчас вечер: не могли не поникнуть и руки, и голова и вся она, – именно потому, что время идёт, время уносит ничего не вернёшь, всё проходит. У женщины в тридцать семь любовь, многое – позади; у мужчин в тридцать семь только разве замедлились чуть-чуть движенья дней и вечеров.

Решить надо было б правильно и просто – так, что письма и повестки из суда, где стоит казённое слово «ответчица», не было: – всё кончено без судов, кончено временем, и его правом сильного, и её гордостью, – и надо было бы вновь взять ведро и пойти к колодцу за водой, и полить рассаду (огромная радость сеять в земле и видеть, как возрастает тобою посаженное!): – заспешила, вспомнила, какие тряпки в чемодане надо отобрать, что взять с собою... – пусть стрижи за окном летают, обжигают воздух так же, как каждую весну: всё – пусть!

Что же, у неё есть труд, у неё есть труд впереди, есть заботы, у неё будут вечера, – надо жить: надо жить!

Сторож Иван, – он же кучер, он же дворник, он же: – ну, как каждый день не ругать его, когда ему говоришь про Фому, а он отвечает Ерёмой?! Он сказал, что пароход проходит теперь на заре, надо выехать с полночи. И в полночь Иван потащил по грязям на телеге – полями, просторами, непокойным рассветным ветром; рассвет отгорел всем земным благословением; а на берегу узналось, что пароход будет только к вечеру: Иван покряхтел, помотал головой, и уверив, что скотине дома никто без него толком не задаст, уехал обратно. На воде, у берега стояла мёртвая конторка, на горе прилепилась изба. На пороге избы сидела баба. Бессонная ночь вязала движенья и нельзя было додумывать мыслей.

Баба от избы покликкала, сели рядом, на пороге.

– Вы, что же, сторожами здесь живёте?

– Муж мой лесным сторожем служит. Сами мы дальние. Детей у меня четверо, четыре сына.

И так и запомнился этот день – пустой, с пустой конторкой, с избой над рекою, – и со счастливой женщиной. К полдням всё уже зналось, – что эта баба счастлива, что она и её муж хохлы (так сказала она), киевляне, – что муж её тихий и добрый человек, двадцать лет служил у немца–колониста, и немец любил его за доброту (немец иной раз и бивал мужа, но муж был добрый, незлобивый, не сердился, а немец любил: даже корову собственную разрешал держать), – что на Украине у неё дочь, замуж вышла, детей народила, внучат; старший сын её теперь тоже лесником служит, женился было, да неудачную жену себе взял, всё с другими мужиками бегает, – собирался было разводиться, пошли в волость расписываться, но в волости затребовали рубль шесть гривен: – так и не развелись, денег жалко; остальные три сына при отце живут, один комсомолец, – а жалования муж получает, слава богу, восемь рублей на своих харчах. Была эта баба морщиниста, как старый гриб, ходила в красном платке, и была, была счастливой безмерно, всем на этом свете довольной: комсомолец, сын её, теперь ходил на раскопки, – рыли курган, вырывали гроба из веков, – платили ему тридцать копеек в день, дуром валились деньги, – и нельзя было исчерпать бабиного счастья. В избушке на горе было по-малороссийски чисто, выбелено известью, – от русской печи сидеть там было душно и мухи донимали: сидели всё время на пороге. Приходили в заповодни муж и сыновья, обедали, посадили и гостью за стол, ели из общей миски щи из свежей крапивы; мужчины были молчаливы, поели, покрестились и легли в тени у дома спать; и гостью отвели спать – в сарай на сено; разбудили к чаю: самовара не было, кипятили воду на костре, у костра и попили чаю; отец взял винтовку, пошёл в лес, сыновья пошли по своим делам; и опять старуха говорила в счастье, о том, что муж незлобивый, ему и в морду можно дать. Послеобеденный сон скомкал время, баба говорила тихо и внимательно, и казалось, что изба эта, и эта баба, и её дела, и сыновья, и муж – известны с испокон веков, и не было сил – хотя бы внутренне бунтовать против этого бабиного счастья: всё было всё равно.

И в этом безразличии отсвистел пароход, потащил мимо сумеречных берегов, в соловьином крике, в плеске воды под колесами. И безразлично прошёл уездный городишко в пыли, где надо было пересаживаться с парохода на поезд. На минуту странным показалось наутро, что вчера поля и деревья были зелены, а нынче здесь, где мчал поезд, было ещё серо. И вечером была Москва. Ничто не заметилось.

И новой ночью в номере на Тверской опять логически ясной стала нелепость приезда: были, любили, разошлись, ей никак не нужна выписка из постановления суда о том, что – «такой–то районный суд слушал и постановил! – быть ей свободной от прежних морозов и зацветать для новой любви, – новой любви у неё не было; новая любовь была у него, – но и о ней она ничего не знала, ибо его не было около неё вот уже три года. Что ей? – что же, она агроном, она горда!.. и она горько плакала этой ночью, первый раз за эти дни.

В суд надо было явиться в 11, и она пришла без пяти одиннадцать. Он встретил её в дверях, пошёл навстречу, улыбнулся дружески, сказал:

– А я думал, что ты не придёшь, стоило по пустякам тащиться, я бы прислал тебе выпись... – и замялся, и сказал, о чём писал уже в письме: – мне неприятно было посылать тебе повестку, это глупое слово «ответчица», словно ты подсудимая. Ну, как поживаешь, как дела?

Ответила:

– Конечно, глупо было приезжать, но у меня скопились ещё дела по службе. Живу по-прежнему, много работы.

– Ты где остановилась, когда приехала?

– На Тверской, в гостинице. Приехала вчера вечером.

– Почему же ты не приехала прямо ко мне? Сейчас же после суда поедем, я перетащу твои вещи. Ведь мы же друзья, ведь никто не виноват, Аринушка, милая...

Она ничего не ответила. Он понял, что она не может быть искренней. Но она делала все усилия, чтобы быть простой.

Судья спросил: сколько лет, как зовут, что вы имеете против? – какую фамилию вы хотите носить? – Он, «истец», сказал: – «Я бы хотел, чтобы ты оставила мою фамилию». – Она не

думала об этом, она залилась кровью, ей показалось, что её оскорбляют, – она сказала растерянно:

– Да, я хочу оставить фамилию мужа.

Судья попросил расписаться, объявил, что за выписью из постановления суда надо прийти завтра.

– Можно идти? – спросила она судью.

– Да, всё уже кончено, – ответил муж.

– Поедем к тебе за вещами.

Они выходили из суда, мимо них провели за штыками арестованных.

– Я поеду сейчас в наркомат, – ответила она. – У меня будет очень занято время. Ты возмёшь завтра выписку, тогда пришли её мне в деревню. Всего хорошего, – и она протянула руку.

Он не взял руки, он заволновался.

– Послушай же, ведь мы любили друг друга, мы останемся друзьями. Невозможно расстаться так.

– Не забудь прислать выписку, она мне очень нужна. Ну, конечно, у нас нет поводов ссориться. Я просто буду очень занята, – она улыбнулась, тряхнула бодро рукой. – Давай руку.

– Что же, всё кончено? – спросил он.

– Выходит так, – ответила она. – Прощай, я спешу.

Она поехала на городскую станцию купить билет.

И в этот же день вечером она ехала обратно. С ней в купе, в полупустом поезде сидел старик в чесучовом пиджаке, кряхтел, ел колбасу из корзиночки, отрезая мелкими ломтиками, приносил на станциях в чайнике воду. На ночь они оба забрались на верхние полки.

И поздно ночью в купе пришли двое, забрызганные грязью, в сапогах, в кожаных куртках, с портфелями, – от них пахло распутицей, бессонницей, напряжённой работой, бодростью, табаком. Ехали они, должно быть, недалеко, – не раздевались, открыли окно, закурили, разговаривали.

Разговаривали они о кооперации, были, должно быть, кооперативными работниками, – говорили о неудачах и победах кооперации, об её буднях, о её практической работе, о том, что русская кооперация ещё не созрела, чтобы торговать обувью и одеждой, что не удаётся также кооперативная торговля мясом, – говорили просто, буднично, чтобы убить время. Потом надолго заговорили о служащих в кооперации, о приказчиках, кассирш, весовщиках, сторожах. Большой процент неудач кооперации они возлагали на неподготовленность кооперативных служащих. За предпосылку, правильную, как аксиома, они брали правило, что каждый приказчик, заведующий лавкой, кассир – жулик, и обсуждали, как этого избежать, или как сделать, чтобы жульничали меньше. Слова «жулик» они не употребляли, оно вытекало само собою; они говорили, что каждый служащий берёт себе и своей семье бесплатно мясо, масло и вообще всё, чем торгует (мясная торговля не удаётся именно потому, что никак нельзя проконтролировать, сколько вышло фунтов разных сортов мяса из данной туши), что даже у членов правления есть обычай «христа–славить», то есть «завёртывать» себе по фунтику того и другого. Один из собеседников рассказывал, что иной раз приказчики проворовываются явно и тогда неизвестно, как с ними поступать: рассчитать, отдать под суд? – во–первых, огласка, а во–вторых, на его место придёт второй такой же, а отданный под суд потянет за собой и всех остальных, и надо налаживать дело вновь. Второй доказывал, что прогонять не надо, разве уж в очень редких случаях, – а лучше приказчика держать на такой грани, чтоб он чувствовал, что догадываются, что он жульничает: никому не охота прослыть вором, – ну, его и держать на этой грани в страхе, как бы не ославился он вором.

Потом они ушли, эти два кооператора, – в ночь, в деревню, на полустанке. Когда поезд тронулся, старик на полке поднялся, свесил ноги, посидел так недолго, слез, чтобы закрыть окно, и вновь сел на полку.

– Не спите? – спросил он. – Слышали, как разговаривали? О том, что у человека честность может быть, – об этом ни слова не сказали. Так, стало быть, и есть на самом деле. Мне вот что

непонятно, уж и не знаю почему, – только чужого я никак не возьму и всегда не понимал, как это делается. Слышали, как разговаривали? – не о людях, а о номерах, – об инструментах плохого качества.

И тогда она поняла, что самое существенное в её поездке – убогое счастье бабы над рекой и этот ночной разговор. Да, жизнь каждого человека связана так, что – не всё ли равно будет, если его, человека, взять с поправкой на испорченную машину, испорченную жульничеством, безграмотностью, ложью, любовью, – связанную государственностью, трудом, куском хлеба, – тою же любовью. И, быть может, счастье на самом деле в том, чтоб быть связанным так, когда нет рубля шестидесяти копеек на гербовую марку при разводе, как связана та баба над рекой, – как не связана она. Ей было оскорбительно слушать тех здоровых, что пришли и ушли ночью, от которых пахло весенней распутицей и здоровьем. Жизнь человека – большая обязанность, никак не в его воле, всячески связанная...

Старик напротив, проснувшись уже окончательно, заговорил, хотел поговорить подольше, спросил, куда едет, где работает, – обрадовался, узнав, что она агроном, сообщил, что он уездный врач. За вагонным окном возникал рассвет. Она заговорила с ним, первый раз заговорила за эти дни, – хотела говорить.

Врач рассказал: ездил в Москву, там его дочь выходит замуж за инженера такого-то. Это была фамилия её мужа.

Она спросила:

– За Григория Андреевича?

– Да, за него, – ответил врач. – А вы его знаете?

Она ответила односложно и легла на полке лицом к стене, сделав вид, что хочет спать. Он – этот старик – врач – стал врагом: он – вор, он украл...

Когда она слезла с парохода, она увидела, что избы над горою нет, там торчали одна лишь обгорелая печь да несколько недогоревших брёвен. И ей рассказали о событии: в этой избе жила семья разбойников, грабивших на дорогах, убивавших людей, семья выселенцев – малороссов, отец, четыре сына, мать. Когда пришла милиция их арестовывать, они стали отстреливаться, стрелял и одиннадцатилетний младший сын, и старуха – мать; в перестрелке убили отца и четырёх сыновей: тогда старуха подожгла избу и умерла в огне.

Иван, говоривший всегда про Ерёму, когда с ним разговаривали про Фому, всю дорогу рассказывал подробности перестрелки, ставшие уже легендарными, и всячески поносил разбойников.

1925

Задание №2

Творческое задание

Высоко оценивая басни И.А. Крылова, В.Г. Белинский писал, что поэт «вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются, – с его сметливостью, остротой и добродушно-саркастическою насмешливостью, с его природною верностью взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выразиться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, – и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род». Тексты басен действительно разошлись на цитаты: крылатыми выражениями стали «а ларчик просто открывался», «у сильного всегда бессильный виноват», «а Васька слушает, да ест», «ты сер, а я, приятель, сед». Выберите из басен Крылова эпиграф для произведения современной литературы (вы можете воспользоваться приведенными строчками или вспомнить необходимые цитаты сами). Кратко расскажите о выбранном вами произведении современного автора: какие смысловые акценты расставляет выбранный эпиграф? как изменится читательское восприятие произведения при появлении эпиграфа? (примерный объем ответа – 100-150 слов).

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.